

Перед посадкой в автобус не только Цзюй Минфэн сорвал цветы и травы, многие девочки и несколько мальчиков также собрали по несколько цветов или травинок, кто-то даже сплёл из пырея фигурки животных, чтобы забрать домой.

Но дети есть дети, они, конечно, не могут быть такими же аккуратными и придирчивыми, как взрослые, поэтому большинство сорванных цветов были кривыми или где-то повреждёнными, и выглядели они не так хорошо, как букет у Линь Шу.

Таким образом, букет Линь Шу выделялся, и многие девочки смотрели на цветы с явным желанием получить их, а затем заводили с Линь Шу разговоры. Конечно, были и более прямые, кто сразу говорил:

— Ой, Линь Шу, твои цветы такие красивые, дай мне пару штук! Или я могу обменять их на цветы другого цвета.

Линь Шу улыбнулся и ответил:

— Нет, эти цветы мне нужны, я никому их не отдам.

Цзюй Минфэн, услышав это, облокотился на спинку сиденья, слегка повернул голову и посмотрел на Линь Шу, увидев на его лице мягкую улыбку.

Его сердце забило сильнее.

Девочка немного рассердилась и пожаловалась:

— Жадина! У тебя целый букет, что тебе стоит дать мне пару штук?

Линь Шу покачал головой:

— Не дам, и даже если ты назовёшь меня жадиной, я всё равно не дам. Ни за что не дам.

Если он отдаст одной, то за ней последуют вторая, третья, четвёртая... Букет, который Цзюй Минфэн подарил ему, был совсем небольшим, и, хотя выглядел пышно, если начать раздавать, он быстро исчезнет.

Линь Шу не собирался этого делать.

К тому же он не беспокоился, что дети будут держать на него зло. Даже если девочка назовёт его жадиной, завтра она, возможно, забудет об этом — дети такие, легко радуются и огорчаются, но не злопамятны. Поэтому Линь Шу чувствовал себя с ними легко.

И для Линь Шу это был не просто букет, который можно раздать. Цзюй Минфэн дарил ему много букетов, и тогда он мог распоряжаться ими как угодно, не чувствуя ничего плохого. Но сейчас он больше не хотел так поступать.

Некоторые чувства... в момент осознания их нужно беречь.

Когда девочка сдалась, Цзюй Минфэн обернулся и спросил Линь Шу:

— Что ты собираешься с ним делать? Заваривать чай?

Но Линь Шу улыбнулся ему и сказал:

— Отнесу домой и подарить маме, скажу... что это ты подарил, хорошо?

Цзюй Минфэн замер.

Через некоторое время он понял смысл слов Линь Шу. Линь Шу хотел отнести этот букет домой, чтобы помочь Цзюй Минфэну завоевать расположение его матери.

Хотя это могло казаться простым жестом, но скрытые за этим мысли были редкими и ценными. Если бы в паре кто-то всегда проявлял такую заботу, другой стороне не пришлось бы беспокоиться о семейных раздорах.

Цзюй Минфэн улыбнулся, его глаза почти исчезли от счастья, и сказал:

— Передай маме привет.

Затем Линь Шу с букетом вернулся домой.

Когда он пришёл, Лян Юэхуа ещё не было. Линь Шу подумал и нашёл оставшуюся от уроков рукоделия тонкую бумагу, завернул букет, как это делают в цветочных магазинах. Конечно, его техника упаковки была не так хороша, как у профессионалов, но благодаря его ловким рукам букет выглядел вполне прилично. Когда Лян Юэхуа вернулась, он спустился вниз с букетом и сказал:

— Мама, я принёс тебе подарок.

Лян Юэхуа была приятно удивлена. На самом деле, даже если бы это был букет из дорогих цветов, она не была бы так рада.

Но, как сказал Цзюй Минфэн, небольшие подарки и проявления чувств — это специи жизни, как приправы в блюде. Они символизируют заботу, не обязательно дорогую или значительную, но их присутствие делает жизнь более насыщенной.

Лян Юэхуа спросила:

— Ты сорвал их во время экскурсии в горах? Ты не срывал декоративные цветы?

Как и следовало ожидать от его матери, её первой мыслью было то же самое, что и у него. Линь Шу рассмеялся:

— Мама, не волнуйся, это действительно дикие цветы, я не нарушил правила. Кстати, эти цветы сорвал Цзюй Минфэн, он сказал, что хочет подарить их тебе.

Лян Юэхуа не ожидала этого и улыбнулась:

— Цзюй Минфэн такой внимательный. Букет красивый, я поставлю его в вазу.

Сказав это, она оглядела гостиную, взяла вазу с полки. В вазе стоял букет разноцветных роз, который Лян Юэхуа купила себе, чтобы поднять настроение после развода.

Розы уже начали увядать, Лян Юэхуа вынула их, развернула букет диких хризантем, сменила воду в вазе, затем ножницами подрезала стебли под углом и поставила цветы в вазу.

В итоге букет выглядел аккуратно и красиво. По сравнению с ним, букет, который связал Цзюй Минфэн, выглядел более диким и естественным.

Линь Шу сфотографировал вазу и тайком отправил фото Цзюй Минфэну.

[Наша мама такая стильная, я почти влюбился в неё].

Он, видимо, решил не менять это «наша мама»?

Линь Шу с гордостью ответил:

— Хм!

В выходные Линь Шу навестил Линь Цзиньхуа.

Он пришёл утром около восьми или девяти часов. Обычно в это время Линь Цзиньхуа только просыпался, но в этот день он уже работал.

Его волосы были растрёпаны, явно не причёсанные. На одежде были складки, вероятно, потому что некому было их гладить. Несмотря на это, Линь Цзиньхуа выглядел скорее подавленным, чем неряшливым.

Внешность для одних может быть оружием, а для других — ловушкой. Иногда она не отражает внутренний мир, а лишь сбивает с толку, как когда-то сбила с толку Лян Юэхуа, заставив её броситься в огонь, приняв пустоту за сокровище.

Линь Шу иногда думал, что жизнь его отца была разрушена именно этой внешностью — если бы не она, у него, возможно, не было бы возможности и ресурсов стать таким человеком.

Он вошёл и поздоровался, Линь Цзиньхуа ответил и спросил о делах дома. Линь Шу просто сказал, что всё в порядке, но не стал вдаваться в подробности. Линь Цзиньхуа не стал настаивать. Он лишь сказал:

— Сяошу, ты обижаешься на отца?

Линь Шу за последнее время переосмыслил свои поступки, ведь он сказал Линь Цзиньхуа много резких слов, которые, возможно, не стоило произносить.

Поэтому он ответил:

— Я не обижаюсь, просто жалею маму. Папа, зачем ты связался с другими женщинами? Они лучше мамы?

Линь Цзиньхуа замялся, а затем сказал:

— Такие вещи ты, ребёнок, не поймёшь.

— О, — Линь Шу кивнул. — На самом деле, я и не хочу понимать. Лучше бы я никогда не понимал, потому что не хочу стать таким, как ты.

Ничто не могло ранить сильнее, чем услышать от собственного ребёнка: «Папа, я не хочу быть таким, как ты».

Линь Цзиньхуа почувствовал, как в груди застрял ком, и едва сдержался, чтобы не выплеснуть гнев, ведь в глубине души он чувствовал вину.

Линь Шу в это время достал бумажный пакет с едой и сказал:

— Папа, я принёс тебе твои любимые пирожки с мясом, я проходил мимо и купил.

Линь Цзиньхуа, ещё не остывший и чувствуя обиду, сказал:

— Забери! Я не буду есть.

Линь Шу не собирался потакать его капризам и спокойно ответил:

— Я уже позавтракал, если ты не хочешь, выбрось. В следующий раз не буду приносить.

Затем он добавил:

— У меня дела, я пошёл.

Он ушёл быстро и решительно, словно просто заглянул по пути. Линь Цзиньхуа, всё ещё злой и обиженный, хотел остановить его, но не смог, а когда обернулся, сына уже не было, и он почувствовал досаду.

<http://bllate.org/book/16614/1520019>